

Со Фэй закрыл глаза. Он не смел встретиться взглядом с Самаэлем, это было выше его сил. Да, ему удалось подчинить его разум, но лишь потому, что застал врасплох: тот не ожидал подвоха и доверял эльфу безоговорочно.

Он понимал: стоит дать слабину, посмотреть Самаэлю в глаза, и вся решимость рассыплется. Он должен был закончить всё быстро.

В памяти вновь вспыхнуло то самое видение: его собственная грудь, пронзённая чёрным лезвием. Он столько раз убеждал себя, что этого никогда не случится, и даже в самых страшных снах ему не могло привидеться, что он пойдёт на это по своей воле.

Хватит. Больше тянуть нельзя. Со Фэй собрал остатки сил и полностью сосредоточился, не оставляя Самаэлю ни малейшей возможности сопротивляться. Он заставил его поднять руку и направить Клинок Асуры прямо себе в грудь.

Со Фэй не открывал глаз, но чувствовал всё. Холодное остриё укололо кожу, и он ощутил трепетную пульсацию жизни, что навечно застыла в чёрном лезвии, будто бесчисленные души драконов продолжали жить внутри него. Это были все те, кого Самаэль бережно хранил в памяти.

В груди вспыхнула острая боль. Клинок вошёл в тело, но этого было недостаточно. Стиснув зубы, Со Фэй собрал последние силы и сам подался вперёд.

Чёрное лезвие пронзило его сердце.

От нестерпимой боли и кровотечения он ощутил леденящий холод. И с ним пришёл первобытный страх смерти, который он так долго прятал глубоко внутри. Со Фэй боялся, очень боялся. Он не хотел умирать вот так, он хотел жить и остаться рядом с Самаэлем навсегда.

Силы стремительно покидали его, и он больше не мог удерживать контроль. Тело обмякло. Падая, Со Фэй почувствовал, как его подхватили сильные руки. Он бессознательно прижался ближе, цепляясь за последнее тепло, а в ушах раздался голос, родной и в то же время совершенно чужой.

Голос Самаэля сейчас был совсем иным — не спокойным, как обычно, а надломленным и полным отчаяния. Со Фэй никогда прежде не слышал его таким, и его захлестнуло волной горькой тоски. Откуда-то сверху на его щеку упала ледяная слеза, и от этого его и без того израненное сердце болезненно сжалось.

Со Фэй медленно открыл глаза. Перед ним было лицо Самаэля. Эльф смотрел и запоминал, словно пытался навсегда сохранить в памяти каждую черту.

«Прости меня, Самаэль... Я не нашёл другого выхода.»

Проклятие, наложенное Самаэлем, было частью его божественной сущности и охватывало весь Яланс. Всё живое в этом мире отныне было обречено на медленное, неумолимое угасание. И был лишь один способ снять проклятие: возродить драконий род, вернув к жизни души, заключённые в Клинке Асуры.

Никакой артефакт воскрешения не смог бы их вернуть: слишком могущественными были драконы, слишком много их погибло.

Но Со Фэй мог.

В тех воспоминаниях была память Сальвадора, Хеля, бесчисленных павших драконов... И, наконец, Висканны. Со Фэй не знал, почему ему открылись именно её воспоминания. Возможно, она сама ослабила защиту своего сознания и позволила ему заглянуть в них.

Там он увидел самого себя и наконец понял, почему отец всегда относился к нему так холодно и отчуждённо. Сайфер Эванс не был сыном Висканны и Грандлина. Вернее, не был их сыном по крови.

Виксанна была потомком богов и давно утратила способность иметь детей, поэтому собственного ребёнка у них с Грандлином быть не могло. Наследник у них появился иначе: однажды Виксанна просто принесла дитя домой на руках. Из-за него пара не раз ссорилась, но в конце концов Грандлин нехотя уступил, и ребёнок остался в семье.

С того самого дня всё внимание Висканны принадлежало только ему. Она окружила мальчика материнской любовью и заботой, увидев в нём новый смысл своей жизни, и стремилась дать ему всё лучшее, что у неё было. Пусть она и не была ему родной матерью, но любила это дитя так искренне и глубоко, как может любить только мать.

Но исток этой любви был холоден. Сайфер Эванс не был эльфом. Даже теперь Со Фэй до конца не понимал, кто он вообще такой.

Как потомок богов Виксанна осознавала, насколько страшно проклятие, нависшее над Ялансом. И знала, как его снять. Всю жизнь она искала способ разбить эти оковы, и появление Сайфера подарило ей надежду.

Она нашла его и вырастила как собственного сына, потому что лучше других понимала его истинную природу. Сила, жившая в нём, была самой сутью Яланса. Той самой божественной силой, что привлекла чужеземцев в этот мир.

Именно она когда-то выманила их из родного мира и привела сюда. Её присутствие ощущалось постоянно, словно неуловимый аромат, обещающий невозможное. Боги преодолели бесчисленные преграды, чтобы добраться до Яланса, но так и не сумели отыскать источник этого зова.

Зато они обрели другое: силу, дарованную драконами. И были ослеплены ею. Яланс оказался удивительным миром, способным наделить невиданным могуществом. Грандлин и остальные были уверены, что прежняя сила покинула их после перехода. Но всё оказалось наоборот: они стали богами.

Однако чем сильнее они становились, тем отчётливее слышали зов той самой силы этого мира. Она манила их, соблазняла, обещая ещё большее могущество. Овладев ею, чужаки смогли бы обрести истинное бессмертие и превзойти даже законы мироздания.

Ослеплённые этой жадой, они совершили множество чудовищных преступлений и окончательно навлекли на себя гнев драконов. Всё, к чему они стремились, рухнуло в один миг. Боги навсегда исчезли из Яланса.

А тайну их силы с тех пор знала лишь одна Виксанна.

Но она никогда не желала завладеть ею, а лишь хотела разрубить узел, который невозможно было развязать. Снять проклятие, нависшее над Ялансом. Даже если для этого пришлось бы пожертвовать собственной жизнью, даже если это не смогло бы искупить грехи её предков, Виксанна всё равно собиралась сделать всё, что было в её силах.

И однажды она действительно нашла то, что искала. Это был её приёмный сын Сайфер. Лишь он один мог вернуть драконов... Но ценой была его собственная жизнь.

Со Фэй никогда не считал себя бескорыстным. Скорее наоборот, он был очень, очень эгоистичным. Он искренне сочувствовал драконам, но если бы ради их спасения пришлось пожертвовать собственной жизнью, он, скорее всего, не смог бы решиться на такой шаг.

Но была причина, которая не оставила ему выбора: когда проклятие достигнет своего пика, погибнет всё живое в Ялансе. Не только чужаки, но и сильфы, и последние драконы... и Самаэль.

Этого Со Фэй боялся больше всего.

Он никогда не мечтал спасти мир и не стремился стать героем. Он был обычным человеком со своими желаниями, слабостями и привязанностями. Но одного лишь знания, что Самаэль однажды исчезнет вместе со всеми остальными, оказалось достаточно, чтобы он без колебаний отдал собственную жизнь.

Воспоминания, запечатлённые в его сознании, его кровь и жизненная сила драконов, заключённая в Клинке Асуры — лишь всё это вместе создавало условия, необходимые для их воскрешения.

Конечно, Со Фэй не хотел, чтобы именно Самаэль стал тем, кто убьёт его, — это было слишком

жестоко. Но другого выхода не было: Клинок Асуры должен пробудиться, а подчиняется он лишь воле хозяина. Поэтому пришлось заставить Самаэля собственными руками сделать то, на что тот никогда не пошёл бы по собственной воле...

Когда он только собирался использовать свою способность, в глубине души ещё теплилась призрачная надежда: вдруг для снятия проклятия достаточно будет лишь его силы и крови? Вдруг ему не придётся умирать? Вдруг он всё-таки чудом выживет?..

Но теперь эта надежда рассеялась окончательно. Для воскрешения драконов требовалось слишком много силы. Со Фэй ясно чувствовал, как кровь стремительно покидает тело вместе с жизнью. Слишком быстро. Шансов нет.

Уйдя в тишину собственных мыслей, Со Фэй мог лишь беспомощно наблюдать и ждать конца.

И вдруг...

— Фер, — эхом раздался ласковый голос в его голове.

Он вздрогнул. Висканна? Здесь? Откуда?

Он не видел её, но ощущал тёплое, знакомое присутствие. И голос прозвучал снова:

— Фер... Мама тебя любит.

После короткой паузы Со Фэй увидел улыбку — ту самую, что навсегда отпечаталась в его памяти. Так улыбалась Висканна ему на прощание. И те же самые слова прозвучали вновь:

— Фер, малыш, будь счастлив...

Со Фэй вздрогнул и открыл рот, желая что-то сказать, остановить её, но не смог. Слова словно застряли в горле.

В следующий миг в него хлынула мощная тёплая сила, окутывая леденеющее тело, заполняя каждую клетку. Что-то сливалось с его собственной сущностью, проходило через сердце, становилось частью его крови и устремлялось в Клинок Асуры.

Со Фэй больше не был хозяином своему телу; он стал лишь сосудом, проводником этой силы. И когда понял, что происходит, было уже слишком поздно. Висканна влила в него собственную жизнь. Всё, чего так жаждал Клинок Асуры, она отдала ему до последней капли и исчезла без остатка.

Виксанна... умерла. На этот раз окончательно. Со Фэй с ужасающей ясностью почувствовал, что от неё не осталось даже крошечной искры. Она пожертвовала собой, чтобы спасти его. Снова.

Сердце сжалось так сильно, что стало трудно дышать, мысли путались. Но ощущение собственной жизненной силы, продолжающей утекать прочь, заставило его прийти в себя. Ничего ещё не закончилось. Даже этой жертвы клинку было мало.

И тогда пришла другая сила, властная и всепоглощающая. Она сомкнулась вокруг него стальными тисками, не оставляя ни малейшей возможности сопротивляться. А затем прозвучал голос, который Со Фэй безошибочно узнал бы среди тысяч других.

— Если ты умрёшь... я уничтожу весь Яланс.

Это Самаэль!

Со Фэйю было совершенно не важно, что именно тот сказал. Достаточно было лишь знать, что он рядом, слышать его голос, чувствовать дыхание... Быть всё ещё живым.

Но радость длилась недолго, сердце сковал ледяной ужас. Почему Самаэль оказался здесь, в этом пространстве? У него не могло быть такой сокрушительной мощи. В этой силе ощущались жажда крови и первобытная ярость, каких не могло быть у Самаэля.

Это была сила бога разрушения.

Самаэль... пробудился?!

Но как? Почему? Это могло случиться лишь после предательства любимого. Но он не предавал Самаэля, не мог предать!

Ледяной суровый голос зазвучал снова:

— Ты обещал, что не погибнешь от моей руки.

И тогда Со Фэй понял, что натворил. Внутри словно что-то оборвалось. Он забыл собственное обещание! И принудив Самаэля убить себя, он не просто выбрал смерть — он предал его доверие...

Ему хотелось горько усмехнуться, но в следующий миг его охватил настоящий ужас. Самаэль делал то же самое, что несколько мгновений назад сделала Виксанна: вливал в него собственную жизненную силу, пропускал её через его сердце, питая Клинок Асуры.

Воспоминание о Виксанне вспыхнуло с новой болью. Со Фэй по-прежнему не мог произнести ни слова, но в душе отчаянно кричал, надрываясь и плача: «Хватит! Не надо, пожалуйста, умоляю тебя! Не умирай! Только не ты!...»

Но остановить его он не мог. С каждой каплей силы, уходившей из Самаэля, страх становился всё сильнее. Со Фэй до дрожи боялся, что тот умрёт... а он останется жить. От этой мысли хотелось кричать. Мир без Самаэля будет пустым и чужим. Такой мир был ему не нужен.

— Не бойся, я рядом, — почувствовав его ужас, Самаэль наконец смягчился. Голос его стал тихим и удивительно нежным. — Я не оставлю тебя.

И эти слова подействовали лучше любого лекарства. Паника отступила. Со Фэй безгранично доверял Самаэлю и знал: тот никогда не поступит так, как совсем недавно собирался поступить он сам. Не исчезнет, оставив его одного. Лишь сейчас Со Фэй по-настоящему осознал, как жесток был его собственный выбор.

Но больше он так не сделает. Он никогда не отвернётся и не уйдёт, что бы ни случилось. Он всегда будет рядом, и даже если однажды им придётся умереть, они встретят этот день вместе.

Эта мысль неожиданно придала ему сил. Со Фэй перестал сопротивляться и принял силу Самаэля, позволяя ей свободно течь через своё тело. Внутренним взором он наблюдал за потоком жизненной энергии. Бездонная пропасть, в которую всё это время утекала жизнь, постепенно начала заполняться и, вобрав больше половины их общих сил, наконец насытилась.

Всё закончилось.

Совершенно обессиленный, Со Фэй провалился в глубокий, тяжёлый сон.

А когда снова открыл глаза, первым делом принялся искать взглядом Самаэля. И ещё до того, как увидеть, почувствовал за спиной знакомое тепло. Со Фэй повернул голову и действительно увидел его.

Совсем взрослого и возмужавшего, казавшегося теперь немного незнакомым. Самаэль невозмутимо смотрел на него, не сводя с Со Фэя пристального взгляда.

Первым делом Со Фэй самым внимательным образом осмотрел его с головы до ног. Убедившись, что тот не ранен, он выпалил:

— Я виноват! Очень, очень виноват! Я всё осознал, я был неправ! В следующий раз такого не повторится! Нет, даже не так... Никаких следующих разов!

Он тараторил без умолку. Извинялся, клялся, обещал, пытался задобрить... Был готов сказать что угодно, лишь бы Самаэль перестал сердиться. Но тот по-прежнему молчал.

Со Фэй для себя решил, что с готовностью примет любое наказание.

Выслушав эту сбивчивую тираду, Самаэль взял его за руку и слегка прикусил кончик пальца. Тот вздрогнул от неожиданной боли и с недоумением посмотрел на выступившую кровь. Самаэль тем временем достал кинжал и провёл лезвием по своей груди. На белоснежной коже тут же появились алые капли. Затем он взял руку Со Фэя и прижал его палец к порезу.

Их кровь смешалась, и в душе Со Фэя возникло странное, ни на что не похожее ощущение.

Самаэль тихо произносил древнее заклинание, и Со Фэй с изумлением увидел, как его кровь вливается в тело Самаэля и наоборот. Это удивительное чувство невозможно было описать словами. словно границы между ними исчезли... словно две жизни стали одной.

Со Фэй широко распахнул глаза.

— Что это?.. — выдохнул он.

Самаэль притянул его к себе, обнимая, и прошептал прямо на ухо:

— Разделение жизни. Я же обещал, что не оставлю тебя.

Сердце Со Фэя болезненно сжалось. Слишком много чувств нахлынуло одновременно: благодарность, раскаяние и запоздалый жгучий страх того, что едва не случилось. Он уткнулся лицом в плечо Самаэля и, не стесняясь, зарыдал в голос.

Он плакал так, как никогда прежде, словно вместе со слезами из него уходили вся боль, ужас и отчаяние последних дней.

Самаэль лишь улыбался, ласково поглаживая его по спине и терпеливо успокаивая.

Три дня спустя Самаэль и Со Фэй вновь отправились в Бездонные Глубины. Вместе с ними были кроха Наэль, священный зверь, огненный пухляш и Хель, снова ставший собой. Клинок Асуры был переполнен энергией, сияя так ярко, что чёрного лезвия не было видно за этим светом.

Бездонные Глубины были полем последней битвы. Местом, где всё закончилось и где всё должно было начаться заново.

Самаэль вонзил Клинок Асуры в землю в самом центре древнего поля боя.

Вспыхнул свет, ослепительный, как полуденное солнце. Он сжался в одной точке и в следующий миг взорвался тысячей осколков. Каждый из них светился мягким, тёплым сиянием. Медленно кружась, они опускались в землю, погружаясь всё глубже и глубже. И вместе с ними бездонная тьма, веками царившая над этим местом, постепенно отступала.

Со Фэй достал розовый пространственный мешочек, последнее, что осталось от Виксанны. Он бережно провёл по нему пальцами, словно прощаясь, а затем закопал. В Ялансе не было такого обычая, но ему хотелось самому выбрать для неё место последнего упокоения. Место, куда он сможет мысленно возвращаться, вспоминая её.

Они провели в Бездонных Глубинах ещё несколько дней. Наэль с неугасающим энтузиазмом исследовал горы сияющих сокровищ. Наткнувшись на гладкий, идеально круглый шар, он пришёл в полный восторг и тут же помчался за Самаэлем и Со Фэем, чтобы показать свою находку. И в следующий миг сердце Со Фэя радостно дрогнуло.

Таинственный шар тихо пощёлкивал. На его поверхности вдруг появилась трещина. Она становилась всё шире, пока наконец не раскрылась, и из образовавшегося отверстия выглянула крошечная головка.

Из яйца вылупился дракончик.

Они вернулись... Вернулись не теньями прошлого, а новыми жизнями. Драконы вновь пришли в этот мир.

Конец основной истории.

<http://bllate.org/book/14660/1737978>